

Такое нелёгкое чудо

Вместо пролога

Представлю главного героя рассказа:

Александр Николаевич Шмаков – земляк, бывший боевой балтийский моряк, орденосец, прошедший Великую Отечественную с самых первых и до последних дней. Старого фронтовика не стало незадолго до нового 2015 года. Немного он не дожид до своего 94-летия и 70-летия Победы.

Александр Николаевич прожил с супругой Людмилой более 70 лет и воспитал замечательных детей и внуков, также, как и он, прославивших Орехово-Зуево, Подмоскowie и Россию личной трудовой доблестью.

Война

"Это твоя девушка?" – заинтересованно спрашивали встречные знакомые Шурку Шмакова, имея ввиду идущую рядом изящную даму с длинной русой косой. В тот хороший солнечный денек 22 июня 1941-го высокий статный паренек – счастливый выпускник Кронштадтской школы моряков – весело отгуливал свой пятнадцатидневный отпуск в Ленинграде. Между прочим, за отличную учебу.

- Шурка, я больше с тобой вместе не пойду. – Глаза красивой молодой женщины (той самой, с длинной косой) смотрели на юного моряка добрыми смеющимися лучиками.

Это была Шуркина мама Катя. Такой, молодой и красивой, она запомнилась ему на всю жизнь.

Еще утром мама обронила: "Эх, как бы войны не случилось. Аэропланы-то всю ночь летали".

- Мамочка, какая может быть война, - отвечал 20-летний оптимист, - я же здесь, с тобой.

Толпы людей, собирающихся возле уличных репродукторов и речь министра Молотова подтвердили: "Война!" Самая нешуточная.

"Шурка командиров" (так звали юношу в родной деревне Нисельга из-за отца - красного командира, рано умершего от ран) уехал снова в Кронштадт. А его мама с остальными детьми (Александр был старшим) Машей, Верой, Васей, Валею и Катей отправились в старинный русский город Лодейное Поле, знаменитый первыми военными кораблями Петра I. Затем они эвакуировались в Курган, за уральские горы. Здесь Екатерина Васильевна с дочками и младшим сыном прожили до осени 44-го. К этому времени освободился от захватчиков их родной Подпорожский район Ленинградской области. Родные Шурки Шмакова возвратились в родные пенаты, что на реке Свирь в двухстах километрах от Ленинграда (в Нисельге до войны был у них добротный дом, цветущий сад). В это же самое время боец терялся в догадках: где вы, родные мои? Сам-то на Балтике, воюет, несколько раз был тяжело ранен, в августе 1941-го попал в число моряков, «пропавших без вести»... чудом остался жив!

Стал писать по домашнему адресу – без ответа. Уже и подумалось: "В плену мои." Подпорожский-то район несколько раз переходил из рук в руки (то к белофинам, то к Красной Армии). Не мог тогда знать советский моряк, что мама Катя с сестричками и братиком жили в то время в Зауралье.

...В конце сентября – начале октября 1944 г. Екатерина Васильевна с детишками благополучно добралась до родной Нисельги. На месте родной деревеньки – пустошь, поросшая бурьяном. Здешние жители, кто уцелел, жили в землянках. Прибывшему семейству землянки не досталось. Под домашний уголок пришлось "облюбовать" разбитый вагон – затопили печку-временку. Есть было нечего. Взрослые дети от военного лихолетья

выглядели младше своих лет. Старшей, Верочке, исполнилось в ту пору двадцать один, Васе - тринадцать, Вале - одиннадцать, Катюше - девять.

Чтобы прокормить ребятишек, Екатерине Васильевне каждое утро приходилось идти в близлежащую деревню Погра и брать там хлебные карточки. Уже позднее, от людей, дети узнали: мать постоянно недоедала, отдавая им свою пайку. А в ноябре того же года она слегла. Попросила детей взять у деревенских мужиков телегу и довезти ее, больную, до Подпорожской больницы. Главврач местной больницы, профессор Флегонт Ильич Либов оказался школьным другом Екатерины Васильевны и сделал все от него зависящее. Но... ночью больная умерла. На следующую ночь дети нашли свою маму в бараке среди других умерших. Днем их туда не впускали. Тогда под покровом темноты они, сняв оконную раму, проникли в это печальное помещение...

Сердобольные бабушки помогли сшить рубашку-саван, дали свечку, теплой воды. Флегонт Ильич помог организовать похороны. Нашли лошадь, чтобы отвезти гроб с телом на деревенское кладбище. Хоронили сами дети, им помогал какой-то местный старичок.

... Так и остались круглыми сиротами. Куда идти? Кто поможет? Война еще громыхала. Несчастье у многих. Так уж получилось - Вера и Мария, что были постарше всех, остались работать при районном исполнительном комитете, остальных расселили по детским домам: в Новую Ладугу - Васю и Валью, а самую младшую 9-летнюю Катю отправили в Староладожский детский дом. Когда Катюша в него попала, своей детской душой осознала - никто из родных к ней уже не приедет, не навестит. Она помнила, как хорошо ей жилось с мамой, сестрами и братом в Кургане. И Катя решила сама уехать туда...

Начало рождения чуда

Встреча с родными у Кати Шмаковой оттянулась почти на пять десятилетий. Вся трагедия в том, что "мамина тезка" Катя была от рождения глухонемой.

В Кургане беглянку поместили в детский дом для глухонемых. Здесь она окончила среднюю школу, здесь ей воспитатели сказали, что родных у нее нет.

Одна-одинешенька, слабая былиночка, росла Катюша, ни с кем из детишек особо не общалась. Замкнулась в себе, в своем полудетском - полувзрослом мире. Дали ей в детдоме новую фамилию. "Я как бы проснулась здесь, - напишет она позднее родным, - и ощутила свою полную беспомощность..."

Отвоевал ленинградец Александр Николаевич Шмаков и в победном 1945-м приехал в подмосковное Орехово-Зуево.

Года два поработал матрос в местной милиции – и понял воин: не для него это. Долгое время жил на поселке торфоразработок с названием Верея. Здесь встретил свою половинку, женился, троих сыновей поставил на ноги (двое из них тоже на флоте служили), 17 лет отдал объединению "Ореховоторф", а еще 30 лет – знаменитому на всю Россию Ореховскому текстильному комбинату.

Среди людей фронтовик Шмаков был всегда уважаем за доброту и порядочность, за то, что слово свое держал крепко. Все эти годы – с 1945 по 1990-й – не терял надежды узнать судьбу младшенькой сестренки Катюши, глухонемой.

Во все концы СССР "сигналил", уголовный розыск тормозил. Перебрал вместе с другими найденными после войны родственниками все староладожские архивы.

Кто-то из тамошних обронил: "Да умерла она...". Ведь детдом в Кургане вскоре после войны ликвидировали, а в архивах имени Катюшиного и не значилось.

Одному только Александру Николаевичу и его родным ведомо, какие чувства переполняли тогда их души от бесследно утраченного следа самой младшенькой. Самой беззащитной сестренки. Уже и внуки у детей появились, а с годами и болезни новые, проблемы. Два раза на операционном столе побывал Шмаков между жизнью и смертью.

И все же бывший матрос не сдался. И не отступая, как когда-то в смертельной атаке, настойчиво продолжал свой поиск.

В 1988 г., уже в «горбачевскую перестройку», добрые люди подсказали: напиши в журнал для глухонемых (издание называлось "В едином строю").

Что ж, советы бывают очень дельными. Написал, в журнале его объявление о розыске сестры напечатали. Правда, с еще довоенными данными Кати. Не знал, что фамилию сестренке в 1944-м поменяли.

Возвращение сестренки

Минуло два года. В ноябре 1990 г. к Александру Николаевичу Шмакову по почте пришла – почти через полвека! – долгожданная весточка... от его родной потерявшейся сестры Екатерины. В небольшой конверт с письмом была вложена ее фотокарточка вместе с дочерью Наташей.

Найдутся ли на свете слова, какими можно выразить после такого известия чувства человека, прошедшего войну, не раз умиравшего и верившего в чудо?!

"Теперь можно и умирать, долг свой выполнил", - говорит Александр Николаевич. А я убеждаюсь: таким бы, как он, людям жить бы и жить... В благодарность за их человечность, доброту, верность, мужество. Живите, пожалуйста, Александр Николаевич, долго-долго. Пусть внуки Вам платят такой же добротой.

... Перед Новым, 1991 г. в Орехово-Зуеве у Шмаковых собрались все сестры и брат.

Из Кировограда прилетела Мария, из Пензы - Вера, из Ленинграда - Вася и Валя, из Уфы - Катя. Она смотрела и не верила своим глазам, эмоционально жестикулируя руками (дочь Наташа переводила), пытаюсь выразить невысказанную за полвека радостную боль: "Мои дорогие, как вы меня нашли? Сколько у меня родных. Ой-Ой. Я верила, что меня найдут. Я верила Господу Богу, что он поможет".

Эта "забитая" беззащитная детдомовка, рабочая-гладильщица воспитала хорошую дочь, стала бабушкой, обожающей своего внука, своего зятя.

4 января 1991 года в народном суде города Уфы, что в Башкирии, была исправлена еще одна несправедливость отгремевшей войны – Екатерине Шмаковой возвращена ее прежняя, родная фамилия.

И это ли не чудо, это ли не счастье, когда вот так родственники встречаются, тянутся друг к другу!

После долгих лет разлуки дети, ставшие уже прабабушками и прадедушками, разыскали в Подпорожье, что под Ленинградом, могилку матери. Человека, ценой собственной жизни подарившего им в годы военного лихолетья второе рождение.

Евгений Голоднов